

В. Г. Белинский

**Шапка юродивого, или
Трилиственник... Соч. Зотова**

Виссарион Григорьевич Белинский

Шапка юродивого, или Трилиственник... Соч. Зотова

«...Мы все сказали о новом романе г. Зотова: читатели теперь могут иметь о нем самое удовлетворительное понятие, даже и не читавши его; это тем выгоднее для них, что г. Зотов имеет удивительную способность писать слишком плодовито и широко: прочтя одну часть его романа, вы думаете, что прочли целых пять романов. Особенно плодовиты его отступления, в которых он философствует...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Шапка юродивого, или
Трилиственник... Соч. Зотова**

ШАПКА ЮРОДИВОГО, ИЛИ ТРИЛИСТВЕННИК. Исторический роман из времен Елисаветы и Екатерины. Соч. Зотова. Москва. В тип. Августа Семена, при императорской Медико-хирургической академии. 1839. Три части, в 12-ю д. л. В 1-й части 266, во 2-й 298, в 3-й 256 стр.

Что это за миленькие три книжечки, так красиво и изящно изданные? Кто это является перед публикою так опрятно и щегольски разодетый?.. Ба! да никак уже это почтеннейший г. Зотов – тот самый, который, в числе десяти литераторов, недавно явился перед публикою в таком изящном виде?.. [1] Странная метаморфоза! А это точно он... Вот его неподражаемый слог, его пламенное красноречие, его глубокомысленные рассуждения, его смелые и резкие очерки характеров и происшествий... «Шапка юродивого, или Трилиственник» – какое заманчивое, полное таинственности заглавие!.. И однако ж с горестию в душе и сокрушенным сердцем должно сказать, что это название, обещающее тьму чудес, очень досадно обманывает так искусно возбужденное любопытство читателей. «Трилиственник», например, совсем не какая-нибудь волшебная трава, вроде «Иванова цвета»: из этого трилиственника даже нельзя сделать порядочной настойки читателям и почитателям неподражаемого таланта знаменитого г. Зотова. Видите ли: жили трое приятелей, связанных такою неразрывною друж-

бою, что их прозвали «трилиственником», а у приятелей было по сыну, которые опять жили так дружно, что и их прозвали «трилиственником». Теперь сами судите, можно ли что сделать из этого «трилиственника». Теперь, что такое «шапка юродивого»?.. О, это вещь, которую могло изобрести только пламенное и фантастическое воображение г. Зотова! Видите ли, в чем дело: одного из приятелей звали Александром Петровичем, а сына его Гришею. Отец назначал его в духовное звание, но Гриша вымолил, или, лучше сказать, выцеловал у отца позволение пойти в военную службу. Между Смоленском и Петербургом шатался один юродивый, которого звали Гришею и считали вдохновенным и который предрек, что Гриша будет фельдмаршалом, а для большей уверенности в действительности предсказания надел на него свою шапку – и вот вам «шапка юродивого». Сам отец Гриши, подгулявши раз с приятелями, увидел во сне сына своего фельдмаршалом. Этот Гриша – Григорий Александрович Потемкин, «великолепный князь Тавриды»...[2] Г-н Зотов изобразил Потемкина такою могу-

чею и широкою кистию, что, вероятно, тень великого вострепетала от радости, а тени других великих от горести, что не им достался завидный удел попасть под чудотворный резец почтеннейшего г. Зотова. Впрочем, из широкого очерка автора «Шапки» мы узнаем о Потемкине только то, что он боялся отца как огня, беспрестанно целовал у него руки и, стоя перед ним навтыжку, на обещание отца высечь его, приговаривал: «Воля ваша», потом пил и кутил и в офицерском обществе отпускал остроты и шуточки, какие только могли прийти в голову г. Зотову. Да и герой романа совсем не Потемкин, хотя «шапка юродивого» и принадлежит ему по всем правам, а какой-то Егорушка Л-ской, очень образованный, весьма чувствительный и отлично великодушный капитан армии и друг детства Потемкина. Этот Егорушка, имея слишком чувствительное сердце, несколько раз влюблялся в *россианок*, а один раз влюбился насмерть в немку-графиню, с которой, по преодолению многих препятствий, и сочетался «законным браком». Сперва Егорушка сделался известным, в семилетнюю войну, Румянцеву, потом

Фридриху Великому, далее Петру III и Екатерине Великой. Разговоры и тонкое, политическое обращение с лицами романа обличают в г. Зотове человека, знающего высший тон, и глубоко понявшего, что такое «галантерейное обращение»[3]. Особенно мастер г. Зотов изображать высокую платоническую любовь. Когда капитан Егорушка Л-ской стоял с своею ротою в замке графа Каленгейм и расположился «обожать» дочь его, графиню Анну, то имел с нею преудивительные объяснения. Так, например, однажды он завел с нею речь о русской парной бане, и как она изъявила особенное любопытство касательно этого, действительно очень интересного предмета, то он, с свойственною ему ловкостью, и имел честь объяснить ей, как парятся русские мужики и бабы, «хлеща себя березовыми прутьями с листьями». Теперь, благодаря г. Зотова, мы знаем, что с «обожаемою девою», чтоб решительно пленить ее сердце, и особенно воображение, должно говорить о бане, и советуем каждому, при первом случае, испытать действительность этого нового средства к побеждению своей «жестокой барышни и ми-

лой воровки своего покоя». Графиня ему сказала: «Вы сегодня в прекрасном расположении духа», а он ей ответил: «Я в первый раз имею счастье быть так близко подле вас – не мудрено одушевиться». Она ему заметила, что от него всегда зависит это счастье, а он ей только намекнул об Икаре, который погиб оттого, что полетел к солнцу, и заключил все это следующим монологом: «Как часто бывает для нас небо на земле! Но это только для избранных счастливцев, а для других... целый ад поселяется в сердце. Не лучше ли же бежать от *последнего*, когда знаешь и чувствуешь, что не можешь достигнуть до *первого*». Один раз, похваляясь русскою силою, пехотный капитан Егорушка Л-ской вызвался одною рукою поднять графиню Анну и подставил ладонь... «Анна смешалась и покраснела, а Л-ской понял ее мысль, – замечает автор, – и со всею капитанскою деликатностью сказал ей так: «Можете быть уверены, графиня, что это дело одной минуты – и со всевозможным приличием»«. Отец Анны, старый граф, был очень любопытен увидеть такое интересное представление – и Анна согласилась участво-

вать в нем. Вдруг старый граф захворал, а графиня Анна бросилась на шею капитану Егорушке Л-скому, сказав ему: «Спасите его, и я ваша!» – Галантерейное, черт возьми, обращение!.. Раз входит он в комнату больного графа, который крепко спал, и видит графиню Анну, которая тоже крепко спала. «Бурно взволновалась в юноше кровь; пыл страсти захватил дыхание; *но чувство чести одержало верх*, – и он с поспешностью вышел»[4]. Вот что значит истинно «платоническая» страсть...

Мы все сказали о новом романе г. Зотова: читатели теперь могут иметь о нем самое удовлетворительное понятие, даже и не читавши его; это тем выгоднее для них, что г. Зотов имеет удивительную способность писать слишком плодовито и широко: прочтя одну часть его романа, вы думаете, что прочли целых пять романов. Особенно плодовиты его отступления, в которых он философствует; но их непременно надо прочесть вам самим, потому что ничего подобного в нашей литературе нет и не было. В этих философских отступлениях и *медитациях* г. Зотов является опас-

ным соперником Гегелю, и если германский философ возьмет над ним верх строгостью метода и дисциплиною системы, зато г. Зотов непременно победит его глубиною идеи и орлиною смелостью взгляда...

На обороте романа напечатано: «Цена за *три* части двенадцать рублей», а что стоит одна часть или две части, к сожалению, не сказано.

Комментарии

Речь идет о портрете Р. Зотова в сборнике «Сто русских литераторов» (см. наст. т., с. 591–592).

[^^^]

2

Из оды Державина «Водопад».

[^^^]

Неточно приводятся слова Осипа в «Ревизоре» (д. II, явл. 1).

[^^^]

Цитировались: ч. II, с. 54, 55, 58, 98. Курсивы
Белинского.

[^^^]